

ПИОНЕР12

ДЕКАБРЬ • 1973 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Валерий МЕДВЕДЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА. I

Было без пятнадцати семь. Влажный тихий ветер дул с моря. Пахло водорослями, прохладным песком и флоксами. В углу за гаражами мягко шумели листья старого платана. Остап и Женька сидели на скамейке в пустом дворе. Остап не спускал глаз с балкона Ларионовых.

Без семи семь тонкая штора на дверях балкона остро вздулась, как палатка, снова повисла, отлетела в сторону. Сначала показался шест, потом сам Гена Ларионов, белоголовый, загорелый, в роскошной белой майке с тремя красными полосами на груди. Гена почти никогда не выходит из дверей. Он просто спускает с балкона шест и соскальзывает по нему. Гоп-ля! Он на земле. Что ему стоит? Лучший прыгун во дворе, лучший прыгун на спортплощадке!

Размахивая авоськой, в которой лежал кошелек, Гена шагал в магазин. Теперь Остапу и Женьке нужно было как-нибудь обратить на себя внимание. Вчера их прогнали со спортплощадки, и только Гена Ларионов мог исправить бедственное положение: Остап и Женька больше всего на свете хотели научиться прыгать так, как он.

К Ларионову просто так не подступишься. Его надо было заинтересовать. А чтобы Женька-растяпа не помешал и не ляпнул что-нибудь глупое, Остап купил ему за воротами эскимо на палочке. Братья шагали, едва не наступая на пятки Гене.

— Ну, как тебе фильм «Черная гора»? — громко спросил брата Остап. — Понравился?

— Ерунда! — солидно сказал Женька, выбрасывая палочку. — Вообще в кино показывают ерунду. Я видел... эти рыцари, когда писали письма, потом брали перчатку и посыпали письма перцем. Зачем? Чтобы потом другие чихали?

Остап открыл было рот. Но вдруг в это время совершенно неожиданно расхохотался Геннадий Ларионов. Хочет и ждет, пока Остап с Женькой догонят его.

— Ну, дайте! — сказал он. — Привет, бычки! Куда это в такую рань? — И снова зашагал широким, спортивным шагом.

— Гуляем, — солидно сказал Остап. Сердце его переполняло восторг: сам Ларионов разговаривает!

Они уже подходили к магазину. Гена поставил свой шест возле витрины.

— Можно, мы покараулим? — робко спросил Остап.

— Ну, что ж, — великодушно, как показалось Остапу, согласился Гена, — караульте, раз вам охота, — и исчез в дверях.

За мутным стеклом, похожие на снегурочек, расхаживали продавщицы. Остап с восхищением смотрел, как Гена в своей прекрасной майке выбивал чек, а сам с блаженством ощущал ладонями гладкую поверхность шеста. Он уже представлял себе, как бежит по дорожке сам, как отталкивается сам, как летит, летит — сам! И приземляется, как космонавт в невесомости, угловато, но точно.

— Можно, мы шест немножко понесем? — краснея, спросил Остап.

Милиционерские тигры

У Гены было отличное настроение.

— Ну, несите... чудак!

По улице шли трое. Один высокий и тонкий, легкий и сильный в своей прекрасной майке. А за ним — два мальчишки ему по плечо. Со счастливыми лицами они оба с разных сторон держали шест в четыре руки. Милиционер посмотрел на них и улыбнулся.

2

Пудреница упала набок и закатилась под штору. Этого не заметили ни мама, ни Надя. Ронять — плохая примета. Особенно с утра. Мама верила в приметы. Возможно, поэтому ее старший сын Леонид стал психотерапевтом — из чувства противоречия. А Надя пошла еще дальше — она была намерена в будущем стать крупным врачом-психиатром со спортивным уклоном, конечно.

— Все, — горько сказала мама, — все... Сегодня я либо не успею сдать квартальный отчет, либо в нем будет ошибка. Только бы не случилось, боже упаси, чего-нибудь с Леонидом в командировке! Вот чего я боюсь...

Пудреница спряталась.

— Надя! — убито сказала мама. — Помоги же найти! Ничего не успеваю, а тут еще...

— Вот она! — воскликнула Надя.

И обе они остановились у окна. Мама с пудреницей и пуховкой в руках, а Надя просто так.

— Суп сварил... — сказала мама.

— У нас же тренировка! А потом сегодня уезжают наши легкоатлеты на Олимпийские игры, мам! Я сейчас поеду на аэродром.

— Господи!.. — сказала мама и махнула рукой, продолжая собираться. — Нет, ты посмотри... Ты только посмотри...

Во двор входили Гена и его шестносоцы.

— С таких-то лет! Ведь он может просто зазваться! С чего это вы вчера, например, вздумали кричать под его балконом: «Ларионов! Ларионов!»?

— Но, мамочка, он же вчера взял такую высоту... а мы просто так... ну, шутя кричали...

— Вы, может быть, и шутя, — ответила мама, надевая туфли, — а он, может быть, и всерьез...

— Вообще-то я и сама боюсь, что Ларионов может зазваться, — сказала было Надя, но мамини каблуки уже стучали по лестнице. — Боюсь... — сказала Надя сама себе. — Даже очень боюсь...

С этими словами она бросилась к книжному шкафу. Там в зеленых, коричневых, серых папках, пронумерованных, как в суде, туго связаны были суровыми тесемками сотни судеб зазнавшихся спортсменов. Надин брат писал на эту тему научную диссертацию.

«А может быть, моя идея не такая уж и безумная, — думала Надя, вытягивая одну из папок и ощущая легкую дрожь в пальцах. — Ларионова нужно спасти! Нужно сделать так, чтобы он не зазнался... там... в своем далеком и прекрасном будущем. Поэтому нужно, чтобы он зазнался сейчас...»

Вот они мы — олимпийские тигры! А заяц сюда затесался случайно.

А ничего не подозревавший Гена Ларионов улыбнулся Антону Филимонову, своему другу, который делал на балконе вдох — выдох. И, оттолкнувшись шестом, легко приземлился на своем балконе вместе с авоськой. Остап и Женька, задржав головы, восхищенно смотрели вверх. Надя, увидевшая все это из окна, прижала к груди папку с фельетонами о знаменитых спортсменах и прошептала:

— Ларионова надо спасать! Спасать, пока не поздно!

3

Надя опаздывала. Первая группа атлетов уже поднималась по трапу на самолет. Грохал барабан. Гремели трубы. Дирижер вытирал платком потный лоб. Цветы качались над головами. Надя врезалась в толпу провожающих и увидела Юрку Гусева возле гимнасток сборной. Юрка говорил одной из них, самой юной, сахарным голосом:

— Извиняюсь, вас, конечно, в столице причисывали?

— Н-нет... — наивно ответила гимнастка, счастливо и растерянно глядя по сторонам, — дома... в Казани...

— А-а-х! — картинно удивился Гусь. — Надо же, плиз пардон! Уже и туда докатилось?!

Гусь презирал всякую беготню за автографами. «Подумаешь, — говорил он себе, — сегодня ты, а завтра я! Не обязательно в спорте, подумаешь!» И, глядя вслед юной гимнастке, представлял такую картину: она приходит к нему в парикмахерскую, с умильным лицом проталкивается через толпу истомившихся клиенток и говорит: «Юрий Михайлович! Я умоляю... я знаю, что только вы... мне через три часа на самолет...» «Какие могут быть разговоры! — восклицает он. — Гусев никогда не сорвет мировое мероприятие!» Он в белом халате, у него длинные ножницы — пальцы Паганини, как говорит дядя Женька, и этими «пальцами» он сделает чудо женственности, как говорит дядя Женька, из этой маленькой вихрастой головы! Вот это автограф!

Тут он увидел Надю.

— Олимпийцев пришла провожать? Как же! Они тут извелись... «А где Надя, где Надя?»

— Где Надя? — спросили звонко. Из-за тумбы с афишами выбежала Лена Гуляева, красная, запыхавшаяся.

— Что я говорил? — сказал Гусь. — Проводы срываете!

— Шестовики идут! — взволнованно сказала Лена. Она потащила Надю сквозь толпу, подальше от Гуся.

— Ой, что я тебе скажу, Ленка!.. Я такое придумала! — Надя быстро прошептала что-то Лене. Та всплеснула руками и вскрикнула:

— Безумная идея! Совершенно безумная! В духе Нильса Бора!.. погоди!.. — Она посмотрела в ту сторону, где Гена Ларионов брал автограф.

— Это Бузынин, — сказала Лена, — узнаешь? Надя не сводила глаз с Ларионова. У Гены было спокойное, ясное лицо. Такое же, как у Бузынина. С ума можно было сойти, до чего все складно получалось! «Можно начать!..» — подумала Надя и сказала Лене:

— Чтобы он не зазнался, надо, чтоб он зазнался... — и подошла к Бузынину. — Простите... Это не просто школьник, товарищ Бузынин. Это ваша смена, растущая.

— Красота! — шепнула ей Лена. — Ленка Толкалин снимает!

Надя увидела: из-за щита с плакатами Леня Толкалин высунул свой киноаппарат. Он снимал тот самый момент, когда знаменитый шестовик говорил пока еще не знаменитому:

— Честное слово? Прыгаешь?

— И знаете, как прыгает! — вскричала Надя. — Выше всех во дворе, выше всех в школе, два метра пятьдесят сантиметров!

— Молодец! — восхитился олимпиец, высокий и прекрасный, как олимпийский бог. — Молодец! Только тебе с шестом еще рановато...

— Да я не с шестом, — сказал Гена, — я с палкой с бамбуковой.

— У него такая техника прыжка... такая... Талант!

— Сначала через планку прыгай, — посоветовал чемпион.

Сквозь толпу протиснулся репортер:

— Постойте, молодой человек, вы кто?

Ларионов жаждал исчезнуть немедленно.

— Наша растущая смена, — ответил олимпиец охотно, — наше ближайшее будущее!

— Чемпион двора, — подсказала Надя.

— Прекрасно! — воскликнул репортер. — Великолепно! Чемпион Союза и чемпион двора! Эстафета поколений!

Леня Толкалин работал — киноаппарат трещал упоенно. Вот олимпиец подает руку Гене... Какой сюжет! От «а» до «я»! Какие у них лица! И тут в объектив вплыла цветущая весельем физиономия Юрки Гуся.

— Привет! — сказал Юрка. — Ну, как вписываюсь?

— Что ты натворил! — завопил Леня плачущим голосом. — Теперь у меня нет концовки! Ты испортил исторический кадр!

— Как знать, — многозначительно сказал Гусь. — Как знать... Может быть, украсил!

Леня только и услышал, как олимпиец сказал, уходя:

— Счастливо оставаться, коллега-чемпион!

А Ларионов закричал вслед:

— Высокого вам шеста!

Гусь отошел. Снимать уже было нечего. Леня Толкалин расстроено прислонился к щиту. Такие кадры погибли! Через несколько лет им цены бы не было! Законченный сюжет...

«Какой удачный день!» — подумала Надя с ликованием.

4

В ту минуту, когда Лена Гуляева безрезультатно звонила в квартиру Толкалиных, Надя выбежала из подъезда с криком:

— Форум на кворум!

За дверями надрывался звонок, и больше ничего не было слышно. Лена решила, что Леонид проявляет пленку, а когда он это делает, можно разбиться у его порога в мелкие дребезги, он не выйдет. Надин крик «Форум на кворум!» еще никому не был понятен, кроме Антона Филимонова, Вениамина Капитончика и самой Лены.

Она влетела в беседку, когда Надя раскладывала на столе свои папки.

— Его нет!

— Он опять где-нибудь что-нибудь снимает, — снисходительно сказал Антон.

— Он сейчас не имеет права снимать что попало, — холодно сказала Надя. — У нас первое заседание с двумя вопросами. Он нужен нам! Вениа, фиксируй... то есть веди протокол, раз так.

Надя подтолкнула по столу карандаш и тетрадь. Капитончик вздохнул и взял, он не умел отказываться.

Капитончик был худ, длинен и очень

неуклюж. Он никогда и нигде не мог толком разместиться, он мешал себе сам и всем другим рядом. Однако он был добрым, и это терпели. Надя мягко сказала:

— Ты только не толкайся, а то у меня папка из-за тебя падает... На повестке дня два вопроса... — Надя встала, сдувая со лба давно не стриженный чубик.

— Толкалин идет... — спокойно сказал Филимонов, — со скрипочкой. Полюбуйтесь!

Леня шагал через двор рядом с Виолеттой Левской. Он шагал и что-то такое ей рассказывал, у него очки сползли на самый кончик носа, а он не замечал. Виолетта смеялась, и два локончика прыгали над ушами, как пружинки.

— Леонид! — ужасным голосом сказала Надя. — Мы же тебя ждем!

Леня и не подумал остановиться.

— Толкалин, ты что, глухой?

— Сейчас, — сказал Леня облаку в небе и поправил очки.

— Это что еще такое?

— Я всегда помогаю ей нести скрипку, — вежливо сказал Леня, — у нее пальцы...

— Толкалин, ты кворум срываешь! А ты, Вита, не строй, пожалуйста, из себя лауреата международного конкурса!

Пружинки подпрыгнули над ушами Виолетты.

— А что мне строить? Я и так лауреат международного детского конкурса в Брюсселе!

Это могло убедить кого угодно, но только не Надю. Она сказала сухо:

— Это ничего не значит. Другие тоже лауреаты, но не строят из себя, а ты строишь. Толкалин, иди заседать!

— Все я... — уныло сказал Леня. — И снимай, и записывай, и заседай...

— Вита, скорее, тебе Федор Федорович звонит! — слышалось сверху.

Леня грустно посмотрел ей вслед, вздохнул, втиснулся между Капитончиком и Филимоновым, обреченно открыл магнитофон.

Надя молча посмотрела на всех по очереди. Потом таинственно похлопала по самой толстой папке.

— Здесь законспектированы все взлеты и падения чемпионов Олимпийских игр с до нашей эры. Не каждый выдерживает испытание славой...

— Ну и что? — спросил Антон, хмуря широкие брови и трогая пальцем собственный бицепс на правой руке; у него такая была привычка — проверять свои бицепсы, как будто они могли куда-то исчезнуть.

— Я предлагаю... зазвать Ларионова! — очень тихо сказала Надя и оглянулась кругом, не подслушивают ли.

— Это еще зачем? — удивился Антон.

— А затем, что лучше зазывать его сейчас, пока бацилла славы не пустила корни. Пусть он лучше переболеет славой теперь, чем в будущем! Еще сам же потом и спасибо нам скажет!

— Ну уж нет, — сказал Филимонов. — Я не позволю вам портить нашего сызмала-рекорда-бея! Друг я ему или не друг?

— Не друг! — вскричала Лена. — Не друг, раз не хочешь помочь ему зазваться! Кто лучше всех прыгает? Ларионов! Кто надежда нашего дома? Ларионов! А кто, может быть, в двадцать лет станет надеждой нашей страны? Ларионов, может быть...

— Мы должны его сохранить для большого спорта, — сказала Надя. — Толкалин, записывай!

— Записываю, — запоздало сказал Толкалин и записал сам себя. — Вон что придумали! Безумная идея!..

— Ерунда какая-то! — кивнул Антон и проверил бицепс на левой руке.

— Нет, в этом что-то есть... — сказал Капитончик.

— Вот! — обрадовалась Надя. — Вот именно! Мой брат что говорит? Он говорит, что все идеи, и безумные тоже, проходят три этапа: первый — «Бред какой-то!», второй — «А в этом что-то есть!», третий — все кричат «Ура!» и говорят, что помогали.

— Ура! — крикнул Леня Толкалин и записал сам себя.

— Да у него на пять лет вперед расписан план атлетическо-аскетических тренировок! — вскочил со скамейки Антон и стал пробираться к выходу. — Я все эти ваши штучки и слушать не хочу.

— А я сегодня ни в какое кино не пойду, — сказала вдруг Лена загадочным голосом и принялась накручивать на палец прядь своих прекрасных русых волос.

Антон Филимонов это остановило.

— Да ты послушай! — крикнула Надя. — Мы же с Леной изучили все Олимпийские игры с семьсот семьдесят шестого года до триста девятьсот третьего, а потом начиная с девятнадцатых Олимпийских игр. И мы законспектировали все взлеты и падения чемпионов мира по разным видам спорта... Ты знаешь, Филимонов, я вдруг выяснила, что многие спортсмены всех народов и разных времен и состояний... это я говорю про физическое состояние, конечно... справлялись и выдерживали любые перегрузки, ну, физически выдерживали... а морально — нет! Слава, знаешь, сколько погубила? Но если Ларионов сейчас зазнается...

— Да я бы на его месте уже давно зазнался, — просодушно вздохнула Капитончик. — Я бы и ждать не стал...

— Вот, — сказала Надя, — Капитончик всегда прав. Мы и не будем ждать. Мы проведем в нашем дворе свои олимпийские игры по прыжкам в высоту... Лентописец, записывай!

— Да записываю я. — И Толкалин снова записал самого себя. — Олимпийские, это я понимаю, а насчет Ларионова не совсем допонимаю, и зачем записывать, тоже недопонимаю...

— Потому что это научный опыт, — сказала Надя, — первый опыт в истории спорта. Мой брат на эту тему диссертацию пишет. А такого опыта у него нет. А у нас будет! Полезный!

— Полезный? — нерешительно спросил Антон Филимонов, поглядывая на Лену.

— Конечно, полезный! — воскликнула Лена. — И для Ларионова... и вообще... для спорта!

5

Как настоящий спортсмен, Гена Ларионов просыпался раньше всех. Еще спали родители. Из полуоткрытой двери другой комнаты слышалось вежливое похрапывание отца. Его портфель смотрел на Гену деловито ярким замком, похожим на круглый глаз.

Тихо делая легкую разминку, Гена приблизился к дверям столовой и замер. Все стекло балконной двери было заклеено большими буквами и даже целыми строчками, как будто вместо газеты типография выпустила сегодня эту дверь. Буквы кричали в комнату: «Ура чемпиону двора и школы!», «Слава покорителю воздуха!», «Живая ракета земля — воздух!», «Будущий чемпион мира!» — и разные другие слова.

С одной стороны, Гене сразу стало очень приятно. С другой — он пришел в ужас: просыпается отец и все это видит... У отца было три ордена Славы. Но он, бывший разведчик, прикалывал их к пиджаку только в День Победы, а во все остальные дни выходил из дому, как самый обыкновенный человек. Гена бросился на кухню, налил кастрюлю горячей воды, схватил нож и тряпку... Он старался воню, смахивал пот со лба, тяжело дышал — никогда не было у него такой зарядки. И кто же это все тут написал?! Только бы узнать!

Стекла сияли невозможной чистотой. Прозвенел будильник. Потирая ладонями щеки, папа заспанно вышел из спальни.

— Физкультпривет? — спросил он.

Мама тоже вышла, зажмурилась и охнула:

— Нет, Сережа, ты только посмотри на наши окна! А Клавочка еще говорила, что этот порошок никуда не годится!

«Скорее всего это сделал Гусь... — думал Гена. — Из пакости. После того, как ребята устроили этот «крик восторга»...

Гусь тогда вышел на свой балкон, который вообще-то тот же самый, что у Ларионовых, только лестничкой перегорожен. Он вышел, ничего не сказал, но очень уж посмотрел и очень как-то плюнул... через перила.

Можно было бы вообще-то не смывать, пусть бы мама устроила этому Гусю шум. Конечно, со вчерашнего дня только и разговоров, что об олимпийских играх — своих, в своем дворе... Вот Гусь и издевается...»

Гена отставил чашку и вышел на балкон. Если Юрка сейчас там, он ему скажет... два слова! Папа спо-

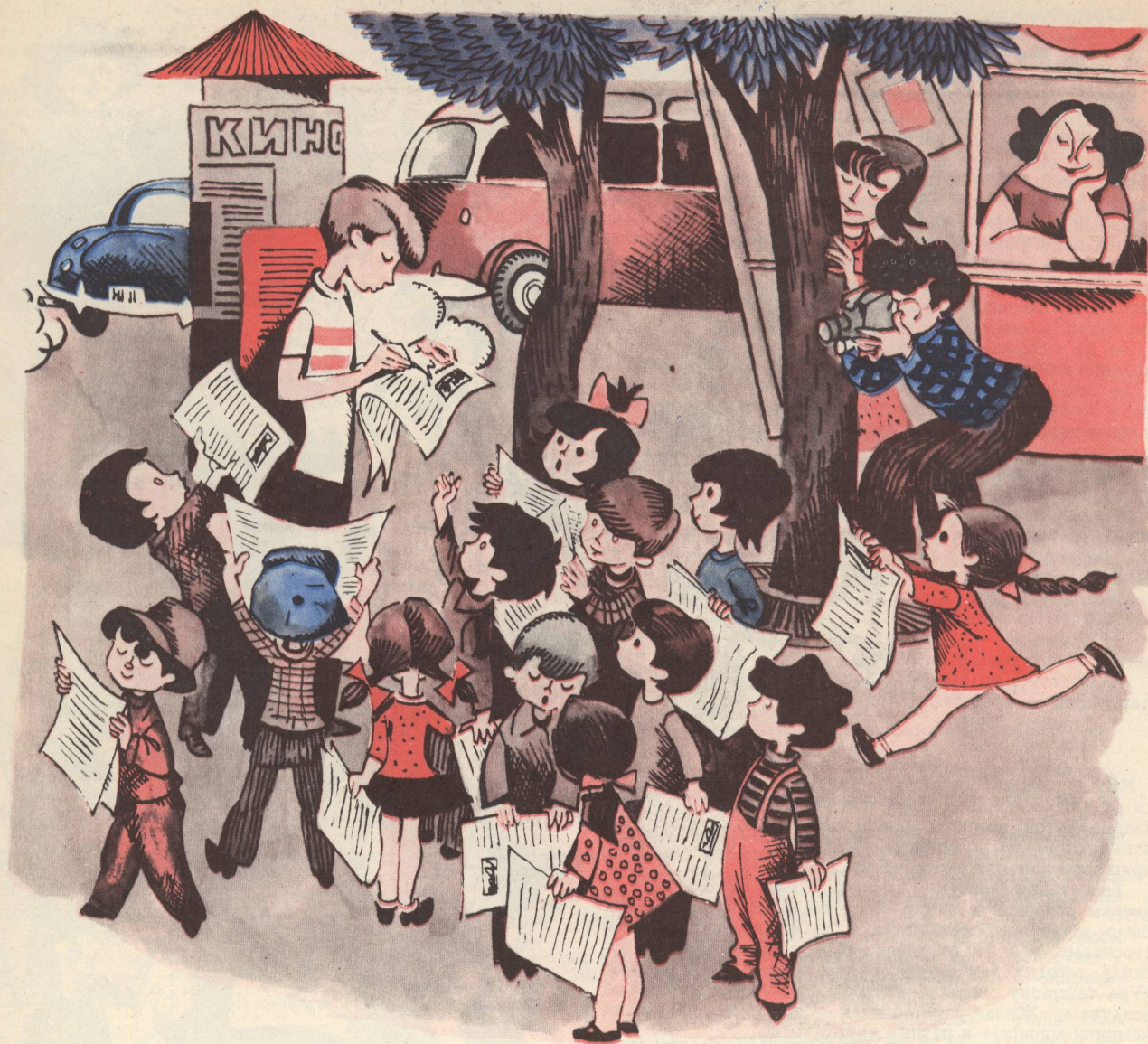
— Позвольте, позвольте! Так как же ваша фамилия, юный чемпион?

койно развернул свежую газету, а мама пошла включать утюг.

Все балконы цвели майками, купальниками, плавками. Только он, Ларионов, один сегодня не делал физзарядки. Лена Гуляева крутила хула-хуп. Она была в красном и черном. Она крутила красный обруч, держа в руках развернутую газету. Хула-хуп вертелся, как бешеный, то у колен, то почти под мышками. Лена почему-то перестала последнее время заплетать косички, и теперь волосы ее летели, летели... Она смотрела то в газету, то на Гену. Странно, но это было именно так. Хотя в это время на нее смотрел Филимонов, тоже почему-то с газетой в руках. Он приседал и вставал. Очень охотно вставал и не очень охотно приседал: Лену было не видно. Но Лена смотрела все-таки на него, на Ларионова... Гена не выдержал и сделал стойку на перилах.

— Ах! — сказала Лена, и красный обруч упал к ее красным тапочкам.

— Автограф, пожалуйста! Автограф, пожалуйста! Автограф, пожалуйста! —
Гена Ларионов тяжело вздохнул.

В ту же минуту сделал стойку и Филимонов. И сразу же на балкон вышел Гусь, тоже с газетой в руках. Он посмотрел на обоих, стоящих вниз головами, и сказал:

— Ну и ну!.. Мир перевернулся! Тоже мне... подумаешь!.. — и начал засучивать рукава. Гусь засучивал их решительно, пока они совсем не кончились.

— Ну и что? — спросили сразу Гена и Филимонов.

— Ничего... — проговорил Юра, — жарко...

— Золотая молодежь... — насмешливо сказала Лена. Гусь вежливо поправил:

— Не молодежь, а молодец. Золотой молодец! — И удалился.

— Мать! — вдруг крикнул отец из столовой. — Иди-ка сюда... Сегодня мы с тобой именинники. Геннадий, что же ты молчал?

Газета лежала, распластанная, на столе. Чемпион Союза жал руку чемпиону двора.

— Антон! — шепотом крикнула Надя, стараясь не высовываться из-за балконных дверей. — Что ты, Антошка, делаешь?

— На голове стоит ваш Антошка, — добродушно сказала бабушка Филимонова, вынимая из букета на столе завядшие георгины. — Чем ему еще заниматься?

Филимонов был чуть грузноват, но лучше него никто стойку не делал. Даже Гена.

Антон встал на ноги:

— Я теперь что? Вообще ничего не могу?

— Ничего! — сказала Надя. — Ты теперь должен все делать так, как будто тебе вообще не дотянуться... Понимаешь?

Антон пожал плечами.

— У меня план... — опять шепотом сказала Надя. — Нужно сегодня Ларионова от тренировки отвлечь...

Звонок раздался оглушительный. «Ну и утречко!» — обреченно вздохнул Гена и пошел открывать. На лестничной площадке стояла Надя с газетой в руках.

— Примите привет и поздравления! — Она посмотрела на Гену, словно сравнивая газетное изображение с ним самим. А у того внутри просто все замерло. Он чувствовал, что вокруг что-то происходит, только вот что?

— Я на минутку... — нерешительно сказала Надя.

— Нет, проходи... Слушай, это ты все придумала?

— Что я придумала? — испуганно спросила Надя. — Кто сказал?

— Весь двор говорит. Все говорят.

— Как? — упавшим голосом проговорила Надя. — Уже весь двор?

— Ну да, Надя придумала свои олимпийские!

— Ах, олимпийские! Ну, конечно, я! И Лена еще, и Капитончик, и Филимонов...

— И молчите?! Только чур и с шестом! То есть с бамбуковой палкой, — поправил себя Ларионов.

— У нас спортплощадка маленькая! — Надя покачала головой. — Надо на стадион идти, директора упрасивать, а как тут без твоего авторитета?..

— А что? Это мысль! Я сейчас на тренировку, вот вместе и зайдем...

— Конечно! — беспечно согласилась Надя. — Только сначала в кино. Надо и отдохнуть. Ты же живой человек, хоть и чемпион... Там внизу Лена и Филимонов. Им будет приятно в компании такого человека...

— Культпоход, значит?.. Ну, ладно, нам по пути.

— Хороший фильм, — вздохнула Лена. Они уже стояли возле щита с афишей.

— Нестареющий... — сказала Надя. — Человек преодолевает смерть — эта тема никогда не устареет. Тебе полезно посмотреть.

— Я уже видел, — сказал Гена. — В первом классе...

— Тоже мне, видел! Что ты тогда понимал! — возмущалась Надя. — Тебе для воспитания воли...

Филимонов на все это взирал молча.

Гена не замечал, что за деревом стоит Толкалин с киноаппаратом и чуть дальше от него — малышня с газетами. Гена не заметил, как Леня махнул рукой. И малыши, размахивая газетами, окружили Гену: «Автограф, автограф!»

Остап взял Гену за локоть и попросил негромко:

— Автограф, пожалуйста!..

— Но я... Но... у меня ручки нет! — растерянно выпалил Гена, оглядываясь на Надю. — И вообще... что это за глупости!..

— У меня есть... — Надя с готовностью протянула ему ручку. — Стыдно, Гена!

— Конечно, стыдно! — вскричал Ларионов.

— Стыдно, — повторила Надя. — Не тебе стыдно, а за тебя стыдно. У тебя поклонники твоего таланта автограф просят, а ты отказываешься! Привыкай!

Гена виновато посмотрел на Антона и торопливо расписался на всех газетах. Толкалин снимал. Объектив его проследовал за малышами, которые, ликуяще вопя и размахивая газетами, мчались теперь к белому ларьку с мороженым.

— Ну, вот... — вздохнул Ларионов, — теперь я совсем опоздал...

— Ничего... — утешила его Надя. — Ты известный... Популярный человек... — сказала Лена. — Можешь себе позволить... небольшой физ... культ...

— Да что вы, сговорились, что ли! — Гена взорвался. — Известный! Популярный! Талантливый! Ты-то чего молчишь, Антон!

— А чего? Они правильно говорят...

— Идем в кино. — Надя твердо взяла его за локоть.

— Ладно... — И Ларионов сунул шест под кусты газона, что-то, по-видимому, придумав.

Кинотеатр был новый. Он весь сиял стеклянно, а внутри можно было ходить, как по музею изобразительных искусств. Лена с Филимоновым уже сто раз тут были, Надя раза три, а Гене до сих пор было некогда. И, с любопытством оглядываясь по сторонам, Ларионов сам купил билеты, усадил друзей на места, но когда свет начал гаснуть, сказал: «Пока!»

— Ты куда? — растерялась Надя.

— На тренировку. Хоть я и талантливый и... какой там еще?.. А иду на тренировку.

— Дот! — с удовольствием сказал Филимонов.

— Какой дот? — спросила Лена.

— Железобетонный. Все отлетает снаружи.

— Тогда... Тогда... — сказала Надя упрямо. — Мы его взорвем изнутри.

6

Вечером удрученный событиями кворум снова собрался в беседе. Вся обстановка была в этот вечер такой, что Надина затея казалась чистой фантастикой. Домоношники бомбили стол, а джазисты разучивали новые ритмы. Молодые мотоциклисты, счастливые обладатели «Уралов», «Ижей» и «Панноний», кружились

возле владельца собственной «Волги» Ивана Ивановича. Моторы стреляли, рычали. Дым застилал эту часть двора, как поле боя.

— Мы допустили ошибку, — сказала Надя. — Мы были слишком эмоциональны... Пусть Ларионов не поддается. Я предлагаю выработать для него перечень конкретных поступков, по которым будет ясно, что он зазнался. А ты, Филимонов, перестань «чуйствовать». — Она сказала это, как Райкин. — Тут думать надо. Я тебе сказала, что потом Ларионов скажет тебе спасибо.

— По-моему, — сказал Леня, — надо начать с того, чтобы он переоценил свои возможности... на сегодняшний день... и стал нарушать режим.

— Пока не получается!.. Для этого нужны какие-то внутренние сдвиги. Мы должны их организовать.

— Правильно, — Леня включил магнитофон, — он должен со своими старыми друзьями вести себя как-то иначе... свысока!

— Мысль хорошая, — одобрила Надя.

— С ним все дружат, — сказал Филимонов. — Что же, он должен со всеми рассориться, что ли? И вообще он дружит со мной...

— Дружил, — сказала Надя. — А сегодня он на тебя уже рассердился.

— Ерунда! Я вот сейчас к нему приду, и он рад будет...

— А ты не приходи. Потерпи.

— Мы с Генкой с четвертого класса дружим.

— Ты должен общественные интересы ставить выше собственных. У меня есть в папке такой случай... В общем, давайте за это голосовать!

— Могу я быть против? — спросил Филимонов.

— Можешь, — ответила Надя, — но руку все равно поднимай «за»! Не нарушай кворум!

Филимонов нехотя поднял руку, глядя на профиль Лены, сурово поднятый, как у королевы на старинной монете. Она посмотрела на то, как он поднял руку, и улыбнулась. И сказала:

— А изнутри все взрывает только одно... — Лена задумчиво посмотрела вдаль, где уже по-вечернему пустело небо и птицы летали так, как будто над домами не было никакого воздуха. Розовые тонкие облака прилипли к небу над горизонтом. Крохотные черные букашки ползли по морю, как черные жучки. — Изнутри все взорвать может только любовь!

— Гвоздь вопроса! — вскричал Толкалин. — Гениально!

— Серьезней, Леонид, — строго сказала Надя. — Мы и сами знаем силу любви. Но сейчас все рассматривается с научной точки зрения. — Надя открыла папку и вынула брошюру. — Вот, кандидат педагогических наук. «Как правило, подросток впервые влюбляется в двенадцать тире четырнадцать лет»... Как правило, ясно? «Чаще всего она — одноклассница или соседка по дому». Соседка, ясно? «Не надо пугаться, что подросток забрасывает все свои прежние увлечения»... Забрасывает! «Противоречит, становится ироничным, высокомерным»... Высокомерным! — Надя ликуяще захлопнула брошюру. — Вопросы есть?

— Есть! — хмуро сказал Филимонов. — А в кого он должен влюбиться? Я что-то не вижу... В Зинку из пятого подъезда?

— У нее нос длинный, — поморщился Капитончик.

— А в твою сестру? — подсказал Антон. — Она кудрявая и открытки киноактеров все время покупает...

— Ей только в куклы играть... — засмеялся Капитончик.

— Может, в меня? — сама себя спросила Надя.

— Нет, ты не подходишь, — сказал Леня. — Ты у нас интеллигентный, эрудированный человек. Тут надо про разные там облака и луну говорить, а ты парапсихологией напичкана.

— Я не обиделась, — обиженно сказала Надя. — Ты такие приятные слова говоришь... А может, пусть в Виту Левскую Ларионов влюбится. Она у нас и знаменитая, и красивая, и вздыхать умеет...

Леня покраснел и помрачнел в одно и то же время.

— Не влюбится! Она человек цельной натуры. Она не может любить сразу двоих. А надо, чтоб на правду было похоже.

— Тогда я влюблюсь! — решительно сказала Лена. — Я никогда еще не отказывалась от общественных поручений. — Филимонов потемнел. — Ну, не влюблюсь, а как бы влюблюсь, — пояснила Лена.

— Не понимаю! — хрипло проговорил Антон.

— Эх, ты, она же красивая!.. — Ленья поправил очки, глаза его светились. — Она самая красивая девчонка во дворе.

— И к тому же налицо будет следующее, — сказала Надя. — Он как бы отобьет Лену у своего друга. Такие случаи очень типичны в спорте. Я могу привести примеры...

— Не надо никаких примеров, — сказал Филимонов. — Что ж, она так и скажет ему: я тебя люблю...

— Не скажет, а как бы скажет... Но лучше всего пусть она сперва пишет записки. Таинственные.

— Но не пишет, а как бы пишет... — покраснел Филимонов, все его лицо кричало: что вы со мной делаете!

— «Как бы» не получится, — сказала Лена, — писать придется по-настоящему. Если хочешь, давай вместе...

— Записывай, Толкалин. Ларионов должен влюбиться в Лену Гуляеву. А ты, Филимонов, успокойся, все настоящие научные опыты проходят в тяжелой обстановке и требуют жертв. Ты теперь принадлежишь не себе, а науке.

— Кинохроника! — танцевал Ленья. — Ларионов зазнался, мы все от него отвернулись, он с горя попадет в плохую компанию. Тут небольшой танчик «Мистер Твистер». А потом...

— А потом, — сказала Надя, — Ларионов ставит все рекорды: пионерский, юношеский, взрослый, всесоюзный, европейский, мировой! Дадим стране чемпиона по прыжкам в высоту с прочным иммунитетом против звездной болезни! Ура!

7

Гусь открыл один глаз. Второй был закрыт подушкой — Юрка любил спать на животе. Дома было тихо. Браты-акробаты Остап и Женька еще спали. Солнце ковром лежало на стене.

Юрка вскочил и выглянул из окна. Надя прилепляла здоровый лист ватмана с какими-то рисунками к забору. Гусь торопливо влез в брюки и помчался во двор. Надя вешала стенную газету. Гусь тихо встал за ее спиной: вся газета была посвящена Ларионову. Передовица называлась «Наша надежда», стихотворение называлось «Ввысь», вполгазеты были нарисованы «Три богатыря», как у Васнецова, только вместо Ильи Муромца Гена Ларионов с шестом наперевес, как с пикой... Надя приклеила газету, потом достала из карманчика фламастер и чуть поправила прическу у Гены и гриву у его коня.

— Неплохо, — сказал Гусь и взял из ее рук фламастер. — Сама рисовала?

Надя растерянно молчала.

— А это ты о себе? — Гусь показал на передовицу. — Наша надежда! Ах, я и забыл, у нас теперь две надежды — ты и Ларионов.

— Сорвешь? — спросила Надя.

— Возможно... Я против тайн мадридского двора...

Из подъезда выбежал Филимонов.

— Отойди! — крикнул он.

— Пожалуйста! — пожал плечами Гусь. — Я могу отойти, могу и подойти! Вы часового поставьте.

— Пошли, Надя... — Как сказал древнегреческий философ Сенека: «Не мечите бисер...»

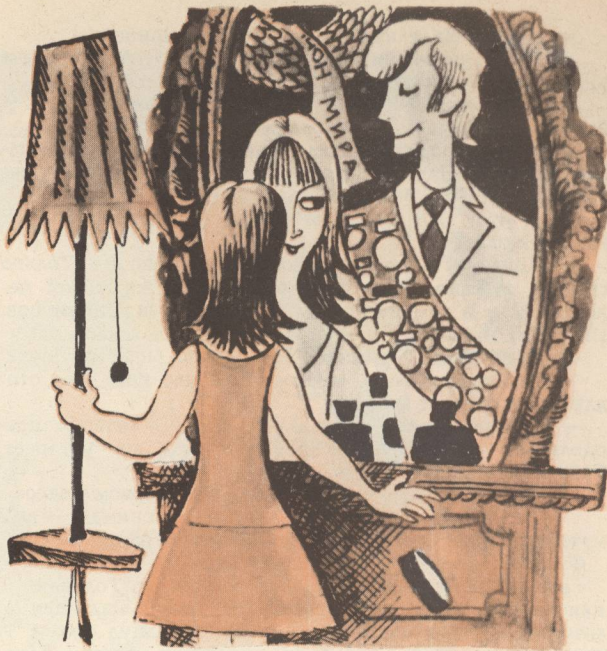
— Чего вы с Ларионовым носитесь? — спросил Гусь. — Думаешь, если он всем нравится, так и мне тоже должен?

— Почему ты так груб? — мягко спросила Надя.

— Мне про бисер, а я груб? — воскликнул Гусь. — У меня голос такой.

И не успели Надя с Антоном опомниться, как Гусь одним движением присовокупил Гене залихватские усы.

Вечером Гена вышел на балкон. И остановился, с изумлением глядя на маленький шахматный столик, который давно выставили за ненадобностью и который еще вчера вечером был покрыт пылью. Сейчас столик был чисто вытерт, на нем лежал лист белой бумаги, прижатый камешком. На бумаге очень красивый цветок, под цветком открытка. С нее прямо Гене в глаза, зага-

А рядом с нею стоит Ларионов!..

дочно улыбаясь, загадочно смотрела Незнакомка Крамского. Гена повертел открытку. На ней ничего не было написано. Незнакомка не спускала с Гены прекрасных глаз. Зимний Петербург за ее спиной был окутан дымкой. Как, впрочем, и то обстоятельство, каким образом она тут очутилась... Может, опять Гусь?

Гена спрятал открытку за пазуху и принялся рассматривать цветок. На длинном стебле несколько нежных сиреневых колокольчиков. В цветке должен был таиться какой-то намек, и к тому же такой цветок Гена где-то уже видел, только не мог припомнить, где именно. Мама была дома. Гена осторожно прошел в комнату и так же осторожно воткнул цветок в букет, который мама вчера купила после работы. Он постоял какое-то время тихо, потом сказал:

— Очень хороший букет... Особенно вот этот цветок.

— Ах, — сказала вошедшая мама, — его вчера не было! Расцвел за ночь.

— А ты не скажешь, как он называется? — спросил Гена.

— Наперстянка!

И Гена вспомнил: он видел этот цветок в книжке о Циолковском. Наперстянка — ее любил Циолковский! «Живая ракета земля — воздух!» Он окончательно запутался в своих разбирательствах и в очень смущенном состоянии отправился к Антону Филимонову.

— Привет! — сказал Гена и протянул Антону открытку.

Антон посмотрел на нее, как на пустое место.

— Ты чего, коллекционированием занялся?

— Хорошенькое дело! — воскликнул Гена. — Тут что-то вокруг непонятное все время творится, а ты... Я говорить тебе не хотел... знаешь, как-то так было... но мне какой-то дурак всю балконную дверь исписал разными восклицательными предложениями, а сегодня вот это подсунули...

— Слава пришла, — пожал плечами Антон. — Со всеми знаменитостями так поступают... разные почтители... То-то я тебя не узнаю... какой-то ты не такой стал.

— Какой не такой? — ошарашенно спросил Гена. — Я такой! Я очень даже! И всегда буду таким!

— Ну, не такой... стал о себе много думать...

— Это когда я о себе стал думать?

— А что, нет, что ли? Вот спортплощадку не хочешь расширить... — Антон все это говорил какими-то чужими словами и с чужим выражением лица.

— Как это не хочу! — крикнул Гена. — Да я хоть сейчас!.. Хотя сию минуту!

— Тише, — сказала бабушка из комнаты. — Тут такая песня, а вы кричите...

«Это что же? — с ужасом подумал Гена. — Или я на самом деле не заметил, как стал совсем не такой? Ведь все вон с каким уважением ко мне относятся, а я... а я только знаю, что торчу на стадионе. Сегодня же пойду к Наде и скажу, что готов стать на спортплощадке главной рабочей силой!»

8

Лена вышла из подъезда в белом платке с золотистой вышивкой, и все, кто видел ее, замерли: Антон, чистая в шезлонге, — глаза его наполнились страданием, Гена, переживавший разные противоречивые чувства, вдруг обо всем забыл, Гусь, стоящий в окне в новой бешеного цвета рубашке, и даже Капитончик, сам с собой игравший в баскетбол на спортплощадке, будто весь сломался и стал походить на палочника — есть такое насекомое, словно бы состоящее из палочек, такое неуклюжее, длинное и тонкое.

Лена проплыла под конвоем Нади до окна Гуся и к изумлению всего двора сказала чарующим голосом: — Георгий! Спустись на минутку.

У Филимонова сделалось такое лицо, как будто ему в научных целях стали отпиливать руку.

Из дверей подъезда Гусь вышел важно. У него, оказывается, не только рубашка была новая, но и брюки сиреневого цвета и туфли с тупыми носками. С заднего кармана брюк на весь двор кусок коричневой кожи сообщал, что выпустила их фирма «Райфл». Лена ждала его под платаном.

— Ну, чего тебе? — Гусь потупил глаза.

— Иди сюда... — сказала Лена. — Не правда ли, какой прекрасный день?..

Гусь оглянулся по сторонам. День был действительно прекрасный.

— Ничего... — сказал Гусь. — Вполне.

— Ты знаешь... — сказала Лена. — Я вот давно хотела с тобой поговорить... Почему бы тебе не заняться спортом?

— Чем?!

— Спортом! Вон какие у тебя перспективные ноги!

Гусь с интересом посмотрел на свои ноги.

— А какой мне хозрасчет бегать и прыгать? — усмехнулся он. — Я человек занятой...

— Ну, а если... — Лена посмотрела прямо в глаза Гусю, и он взгляд ее не выдержал. — Если я тебя очень попрошу?

Гена почувствовал себя совершенно по-дурацки, стал смотреть куда-то через собственное плечо.

— Мы бы тебя главным хранителем олимпийского огня сделали! — принялась уговаривать Лена.

— Дымовым, значит?

— Лично для меня значит, а что значит, не скажу. — Тут Лена сделала вид, что оговорила. — Для всех нас! Для всего двора, что ли, не можешь?

— Вот тут, — Гусь постучал пальцем по голове, — мужики сумлеваются... Ларионова же все равно не перепрыгнешь.

— Не стараться, так и не перепрыгнешь!

Она схватила его за руку и потянула в сквер через дорогу. Гусь застеснялся...

— Ты тайну хранить умеешь? — горячо спросила Лена.

— Хоть две! — гордо заявил Гусь.

— Ну смотри же! — И тут Лена страшным шепотом все рассказала ему про Ларионова, которого надо знать... для будущей славы. Гусь долго думал.

— Ладно, — проговорил он, наконец. — Я согласен. Я-то думал, что ты... а ты... ладно... Это дело по мне! Люблю разыгрывать!

9

На стадионе было пусто. Один Ларионов беспощадно гонял себя по гаревой дорожке.

— А вот бегают наш талантливый, наш незаменимый, — сказал Гусь.

Ларионов остановился.

— А вот он перестал бегать... — сказал Гусь.

— Ну? — нахмурился Ларионов. — Чего тебе?

— Научи прыгать!.. — Гусь умоляюще сложил ладони. — Сам видишь, ноги у меня перспективные. Возьми

меня в ученики... Такой, как ты, должен после себя оставить...

— Все дурачишься? Уйди с дороги!..

Гусь встал на колени:

— Гена, от слова «гений», конечно. Возьми меня в ученики!

— Ты что, за дурака меня считаешь?

— Таков закон. — Гусь поднялся и отряхнул брюки. — У каждого мастера должны быть ученики!

Ларионов, закусив губу, помчался на него с шестом наперевес. Гусь не сдвинулся с места, глядя на Гenu, как на приближающийся поезд.

Ларионов легко перемахнул через него, промчался дальше и взял высоту. Юра подбежал к стойкам.

— Три метра семьдесят один сантиметр... — почти шепотом восхищенно сказал он и завопил: — Гениально! То есть Гения-ально!

Ларионов, недовольно оглянувшись, увидел в глазах Гуся неподдельное восхищение и смягчился.

— Да что там! — сказал он. — Олимпийский рекорд Кука и Джильберта тысяча девятьсот восьмого года.

— Девятьсот восьмого? — удивился Гусь. — Так недавно?.. Поучи меня, я тебя прошу, честное слово! Я могу с двумя чемоданами забор перепрыгнуть... Я раньше недопонимал, а теперь...

— С двумя чемоданами? — недоверчиво спросил Гена.

— Честное слово! Я у бабушки в деревне...

— А почему с чемоданами?

— А потому, что у нее собака злая. Я как приеду, так с чемоданами через забор. А знаешь, какие чемоданы? Там даже тушенка в банках — мама посылала.

— И как ты бежал?

— А вот так я бежал... — Гусь поставил планку на высоту бабушкиного забора, разбежался и — прыгнул!

— А ну-ка, покажи еще раз...

Гусь показал и спросил:

— А когда тренироваться-то будем?

— А мы уже тренируемся!

Домой они шли, дружно разговаривая...

А двор преобразился. Капитончик красил зеленой краской скамейки для зрителей. Дворник мастерил чашу для олимпийского огня — оказывается, до пенсии он работал сварщиком. Металлическая круглая чаша цвела фиолетовыми огнями. Ни одного бездельника: кто таскал, кто копал. Все происходящее венчал лозунг, приклеенный на забор: «Даешь олимпийские! Равняйтесь на Ларионова!».

— Возьми меня в ученики!

Гена засучил рукава. Рукавов, конечно, не было, но было такое движение.

— Где моя лопата? — громко спросил он.

— И моя? — спросил Гусь.

— Твоя вон там, возле песка, — сказала Надя Гусю. — А ты, Гена, иди домой! Ты работать не будешь. Нас много, ты один. Отдыхай, набирайся сил! Тренируйся...

Ларионов некоторое время болтался по площадке без дела. Потом постоял несколько минут рядом с дискоболом, выпиленным из фанеры (он открывал будущую аллею греческих героев), и поплелся нехотя домой, сопровождаемый сочувственным взглядом Гуся.

10

Был вечер. Был тот час, когда настоящий спортсмен должен уже спать. Филимонов сидел на диване, мрачно глядя на бабушкину спину. Интервьюидение передавало репортаж о международном турнире по боксу.

«И все-таки непонятно, почему они решили зазнавать одного Генку, — думал Антон. — Я же не собираюсь бросать прыжки! Значит, и я могу заболеть звездной болезнью! Ну и что из того, что я прыгаю на двадцать один сантиметр ниже? В конце концов на пьедестале почета, кроме первого места, есть и второе!»

Он не стал пить чай. Он поставил чашку и подошел к окну. На своем балконе Виолетта Левская устроила скрипичный концерт, возможно, услаждая слух Ларионова, который, возможно, тоже еще не спал...

А Ларионов уже почти спал. Вообще-то он должен был в этот час спать совсем. Но под подушкой у него лежала открытка с Незнакомкой. Он чувствовал рукой прохладную поверхность картона и видел, борясь со сном, сиреневые ее глаза, глядящие прямо на него... Гене казалось, что молдавские мелодии звучали из тех окон, которые были за спиной Незнакомки. Когда он заснул, мелодии превратились в прозрачные голубые волны, в какие-то большие теплые цветы над морем...

В своей маленькой комнате стояла перед зеркалом Лена. Она взяла мамин голубой карандаш и нарисовала своему отражению веки голубым. Потом черным карандашом она удлинила своему отражению глаза. Потом взяла сиреневую помаду и нарисовала на зеркале свои губы. Она подняла волосы вверх — не понравилось. Она положила их над ушами широкими кольцами. Ах, как хороша была Лена в зеркале!

Лена стояла, замерев, и воображала там, в зазеркалье, рядом с собой Гену! Гену, с его широкими плечами, глазами зеленоватого цвета, с его будущим волевым, спокойным лицом. Она воображала какое-то будущее время, и в зазеркалье она была старше, и Гена был совсем взрослым, и на груди его на широкой ленте медали, медали, медали, медали... И он стоит с ней рядом, и медали эти позванивают, позванивают...

Надя закрыла окно. Было душновато, но лирические напевы, которые с таким старанием исполняла Вита, мешали ей работать. Она погрузилась в одну из папок, держа в это время руку на раскрытой страничке новой книги, купленной братом. Надя смотрела то в книгу, то в папку на конспект, потом взяла лист и написала: «Звездная болезнь должна подкрадываться к человеку незаметно, постепенно, поражая...» Что поражая?

Скрипка еще играла, и Надя с удовольствием подумала о том, что Вита Левская — хоть и легкомысленная внешне девочка, на самом деле работоспособный и деловой человек.

11

Забавная штука, думал Гена, шагая по стадиону за Гусем, все было как-то как положено, все было спокойно и хорошо. Но почему-то сейчас стало как-то не так, совсем не так, но тоже хорошо, хоть и по-новому, по-другому... Что-то такое внутри появилось теплое, совсем не спортивное.

— Эх, Гусь, давай! Давай, Гусь! Смотри, Гусь!

Гена побежал, Гена оттолкнулся, Гена взлетел.

— Гениально! — завопил Гусь.

Гена взял еще одну высоту. Гена летел на крыльях своего непонятного настроения...

— Теперь ты! — крикнул он Гусю.

Гусь долго и забавно примерялся, с некоторым страхом глядя на планку, которая была значительно выше бабушкиного забора.

— Три тридцать... — сказал Гена. — Не подкачай!

Гусь прыгнул — сбил планку. Прыгнул еще. Опять сбил!

— Давай, давай! — крикнул Гена. — Не раскисать!

Гусь отчаянно ринулся на третью попытку.

— Взят! — заорал Гусь, ваяясь на спину и дрыгая ногами.

— Еще не совсем чисто, не совсем! — сказал Гена. — Смотри, как надо...

Гусь смотрел, стоя почти на четвереньках возле дорожки. Смотрел... и увидел: на заборе Лена Толкалина и еще какие-то личности с киноаппаратами снимали этот великолепный Генин прыжок.

— Не мешайте! — нарочно завопил Гусь, хотя Толкалина правел сам, только оставил за забором.

Гена приземлился — он был в воздухе, как в воде дельфин. Не техника — ювелирная работа!

— Чего вам опять? — спросил он, загоразживаясь от кинообъектива.

— Делаем кинограмму твоих прыжков, — невозмутимо ответил Толкалин. — На сегодня довольно.

— Ну, старик, — сказал Гена Гусю. — Знаешь, старик, из тысячи восьмьсот девяносто шестого года ты, пожалуй, вырос, подумай теперь о тысяча девятьсот четвертом... об олимпийском рекорде Дворака в Сент-Луисе.

— А сколько это? — перетрусил Гусь.

— Три пятьдесят пять...

— С трех тридцати сразу три пятьдесят пять? — ужаснулся Гусь.

— Не сразу, а постепенно, — сказал Гена. — У тебя, старик, действительно перспективные ноги... Ну, начинай... Разомнись еще немножко...

Гусь с готовностью побежал по кругу. А Гена вдруг рядом с брюками и рубашкой увидел... открытку с Незнакомкой. Сердце его горячо стукнуло. Он поднял открытку. Внизу было написано чертежным шрифтом: «Таинственная незнакомка»...

Ларионов оглянулся. Никого... Он задумчиво побрел по дорожке.

— Действует... — сказала Надя, глядя на все это через щель забора. — Пиши новую незнакомку! Теперь он будет раздражаться, станет высокомерным, станет рассеянным... Влюбится, одним словом...

— А вдруг он влюбится в открытку, а не в меня? — сказала Лена.

Гусь старательно бегал по кругу, а Ларионов сидел на опорном ящике и задумчиво смотрел в никуда. Потом достал из кармашка карандаш и что-то написал. Затем попытался прыгнуть, взлетел тяжело, сбил планку... Какое-то время простоял, глядя на море. И, положив шест на плечо, ушел со стадиона, рассеянно улыбаясь.

Надя и Лена ждали минут двадцать, забыв про Гуся. Надя перелезла через забор, взяла открытку. Внизу было написано: «Как вас зовут?»

— Влюбился... Все... — сказала она. — Назначай свидание... в парке у фонтана.

— А вдруг он придет на свидание с незнакомкой, а не со мной? — снова забеспокоилась Лена.

Гена засыпал, расслабляясь по системе йогов, не зная, что Гусь подглядывает через реденькую штору, как Гена успокаивает себя. При этом и Гусь сам себя успокаивал. Надя поручила ему нарисовать спящего Ларионова, но не ночью же было подглядывать, как Гена спит. Кроме того, Гусь не очень был доволен таким поручением: все-таки Гена его учит... Но тема была такая, что Гусь решил это поручение исполнить. Надо было нарисовать Гену во сне и назвать эту картину «Олимпийское спокойствие». За спиной Юры трепетно ждали Филимонов и Надя. Занавески шевелил ветер.

— Спит... — сказал Гусь. И они все тихо вошли в комнату.

Ларионов вдруг дрыгнул ногой и сказал во сне:

— Левая нога... должна быть... как стрелки на часах... в положении без пяти шесть...

— Тренируется! — восхитился Гусь. — И во сне тренируется!

— Вот именно, — мрачно сказала Надя. — Надо разбудить. Это не сон — спать так спать.

— Пусть хоть во сне никто ему не мешает.

— Сейчас возьму... рекордную... Шесть метров девяносто...

— Надо будить, — повторила Надя. — Если уж срывать тренировки, так срывать до конца!

— Погоди, — попросил Гусь. — А вдруг возьмет?!

Ларионов сдвинулся всем телом, так что ноги протиснулись сквозь прутья спинки. Затем резко надвинулся на подушку и замер. Все переглянулись.

— Интересно, взял или нет? — прошептал Гусь. — Шесть девяносто еще никто не брал... даже во сне...

— А ты спроси! — съехидничала Надя.

— Ларионов, — тихо окликнул Гусь, — взял рекордную?

— Не взял... — спокойно ответил спящий Ларионов.

— Честный человек и во сне честный, — с уважением сказал Гусь.

— Сейчас, со второй попытки, — забормотал Ларионов.

— Да разбудите же его! — приказала Надя.

— Гена! — рявкнул Гусь.

От такого вопля Ларионов прямо-таки взвился над кроватью. В комнате никого не было. «Переутомление, — с некоторым испугом подумал он. — Надо размяться». Он вышел на балкон. На шахматном столике снова лежала открытка. «Завтра после двенадцати у фонтана в городском парке».

Во дворе по-прежнему строили, копали, сыпали песок. Дворник дядя Саша устанавливал спортивных греков вдоль главной аллеи. Антон подпиливал дискоболу слишком большой нос. И в это время во двор вошла группа мальчиков и девочек с барабаном и красным флажком, промаршировала туда, где Надя с Леной обкладывали кирпичами клумбу. Все бросили работу.

— Мы делегация, — громко сказал мальчишка лет одиннадцати, которого Гена встречал в соседнем дворе.

— И мы, — сказала девочка, которую Гена никогда не видел.

— И мы... — Оказалось, что тут было целых три делегации. Девочка сказала голосом председателя, рапортующего пионервожатой:

— Прослышав о вашем почине, мы вам заявляем, друзья, что это уже не причина, присваивать игры нельзя!

— Наши олимпийские игры вызывают ваши олимпийские игры на соревнование! — сказал мальчик из соседнего двора.

И спортплощадка превратилась в спорплощадку.

— Выискались на готовенькое! Зря пришли!

— Почему это зря?

— Потому что чемпион олимпийских игр у нас во дворе живет!

— Как это чемпион... как это у вас... и как это живет? Он, может быть, вовсе даже у нас!

— Покажите! — заорал форум.

— Мишка, покажись! — заорали гости.

— И как можно показать? — снова заорали гости. — Его покажут соревнования, — сказал тот самый, которого звали Мишкой.

Форум раскатился хохотом и свистом.

Тогда Надя, все время о чем-то думавшая и смотревшая на все молча, вдруг сказала:

— Ребята, тихо!

Из подъезда выскочил Леня с киноаппаратом. Надя строго посмотрела на делегатов.

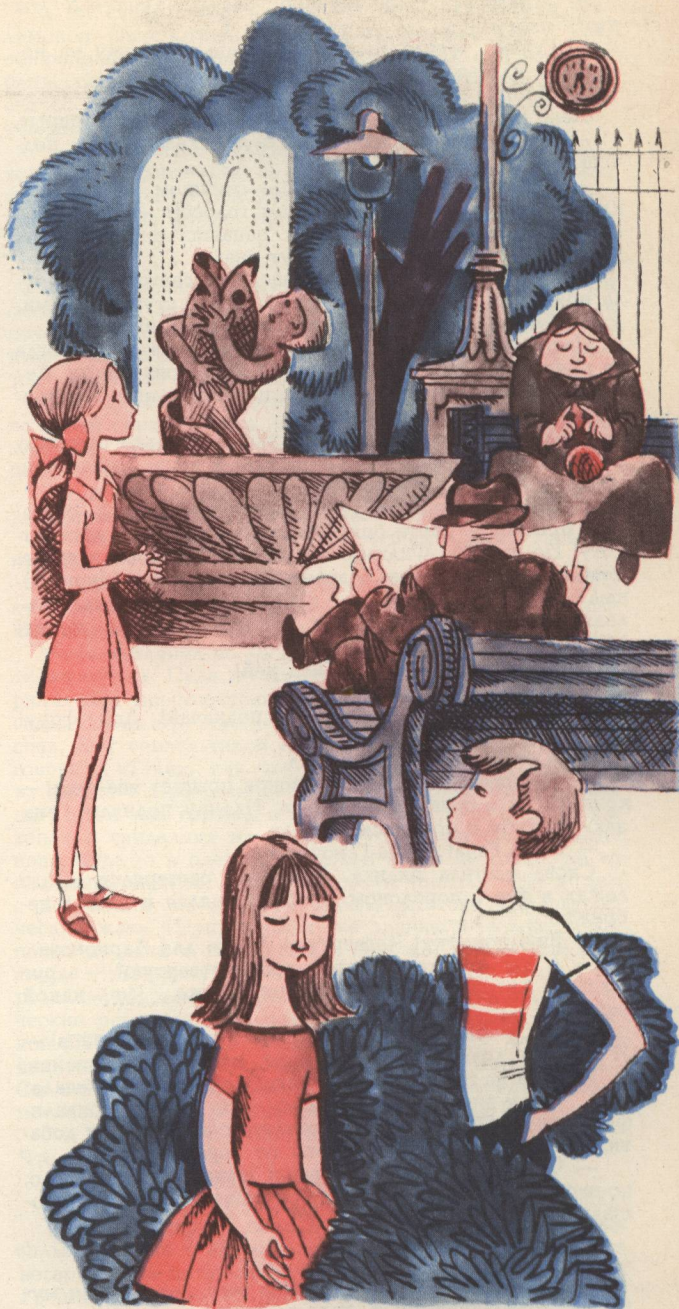
— Вызов принят! — сказала она. — Но чемпион живет у нас во дворе. — И она показала рукой на Ларионова.

— Ну, что ж, — солидно ответил мальчик из соседнего двора. — Пусть живет. А пока мы готовы принять участие в работах на вашем стадионе.

— Поможем! — закричали делегаты. — Где инструмент? Куда становиться?

Толкалин метался, снимал, снимал...

— А может, все снова повторим? — умолял он. — А? Ну... снова!.. Какое начинание! Какой вызов!

Ах, вот как?!. Ну, до СВИДАНИЯ!

12

«Идти или не идти? — думал Гена, уже приближаясь к парку. — Идти или не идти?» Однако ноги несли его сами и донесли до кустов сирени возле фонтана и остановились. Гена с жадностью стал всматриваться во всех, кто там был.

Девочка! Она шла медленно, в красном платье, волосы у нее были черными. Она ела мороженое и загадочно смотрела по сторонам... Нет, прошла мимо!

И вдруг! Красивая желтоволосая девчонка с красными бантиками, заносчиво держа голову на высокой шее, до невозможности тоненькая, подошла к фонтану, ступая носками в первой позиции, как балерина.

Гена начал перемещаться к ней, скрываясь за кустами. И... внезапно налетел на Лену, которая также, прячась, напрасно высматривала у фонтана его.

— Здравствуй! — испуганно воскликнула Лена. — Ты что?

— Здравствуй! — растерянно сказал Гена. — А ты что?

— Гуляю... — сказала Лена, поправляя оборку на новеньком платье.

— Я тоже... гуляю...

Лена перехватила его взгляд в сторону «балерины».

— Ну, до свидания! — вспыхнув, сказала она, подчеркивая слово до СВИДАНИЯ.

— И никакого не свидание! — слишком горячо воскликнул Гена и добавил жалким голосом: — Гуляю я...

— Не выдумывай! — Лена с ненавистью посмотрела на «балерину», хотя при чем тут она...

А «балерина», взглянув на часы, рассерженно топнула ножкой и пошла к выходу из парка, ступая ногами, как обыкновенные люди, без всяких позиров.

Настроение у Гены было совсем неважное, когда он пришел во двор, уже гудевший приготовлениями. Сегодня должны были состояться показательные соревнования.

Свой двор стал похож на чужой — столько понашло ребят! Над зрителями уже взлетали кепи, тубетейки, панамы, платки с козырьками.

Первым разбежался Гусь. Прыжок — планка сбита. Еще прыжок — сбита опять. В третий раз Гусь взял высоту! По просьбе Филимонова планку установили выше. Разбег — высота взята. Болельщики зашумели. Миша пошел на ту же высоту, что и Филимонов. И взял! Раздались вопли: «Мы говорили! Чемпион у нас живет! Миша! Поднимай выше!»

Подняли. Миша взлетел над ней!

— Ура! — вопили соседи.

— Гена! — орал свой. — Не подкачай! Дай фору! Тоже мне, Миша!

Гена разбежался... И не взял.

— Поднимите планку! Ларионов прыгает все-таки! — крикнул он в отчаянной тишине. Планку подняли. Гена закусил губу и помчался вперед.

— Гена! Гена! Генка-Геночка-а-а!

Снова слетела планка. Ларионов растерялся, долго лежал в яме с поролоном, потом поднялся и сказал небрежно:

— Еще попытку! Четвертую! Лично для Ларионова...

— А ты кто такой, чтоб тебе четвертую? — вдруг завопил Антон. — Всем три, и тебе тоже... Ишь какой нашелся!

— Да я Ларионов! — закричал Гена. — Ларионов! — И он еще долго кричал на всех, какой он Ларионов.

И когда на стадионе стало тихо, Лена громко сказала:

— Ты, я вижу, зазнался, и мы тебя за это дисквалифицируем. — Потом она пошептала с кворум и добавила: — И вообще... отстраняем от соревнований!

— Чихал я на вас и на ваши игры! — крикнул зло, по-настоящему зло, Ларионов и зашагал со спортплощадки.

13

Уже после соревнований, после того, как вывели мусор, кворум собрался в полном составе, но с разным настроением. Филимонов на этот раз был счастлив, все остальные подавлены.

— Вот, что я вам говорила!.. — сказала Надя. — Я не ошиблась... Только как-то все равно его жалко...

— Ну, — сказал Филимонов. — Теперь надо зазнавать меня! Немедленно зазнавать!

— Хорош гусь! — воскликнул Гусь. — И этот туда же.

— Ты серьезно... Или шутишь? — сказала Лена.

— Шучу? — горячо вскричал Филимонов. — Я шучу? Вы ему вон как, а мне? Что я, хуже? А если я потом зазнаюсь? Я сейчас хочу зазнаться! Чтобы потом...

Лена сказала грустно:

— А ты уже зазнался...

— Ты уже тоже зазнался, — сурово проговорила Надя. — И, кажется, не сегодня. Это я виновата... просмотрела... Я теперь жалею, что все это придумала... Мы все, кроме вон Капитончика и Гуся, зазнались...

И они подтащили его к стене города...

— То есть? — удивилась Лена. — Это как же?

— А так же... — сказала Надя. — Я решила, что самая умная, ты — что самая красивая, Ленка — что самый-самый из всех кинооператоров. Один Капитончик нормальный остался да Гусь: вообразил, что он хороший и может прыгать, и стал хорошим и прыгнул...

— Значит, так? — сказал Антон. — Значит, на пятную? Значит, меня побоку? Тогда я тоже выступать не буду!.. Даю вам двадцать четыре часа на размышление! Вы без меня провалитесь! У них Мишаберивыше вон какой! Не хуже Ларионова!

С балкона лились молдавские мелодии. Вита продолжала трудиться на научный опыт.

— Ты ей скажи, Леонид, чтоб она перестала, — попросила Надя. — Уже хватит... Олимпийские мы теперь проиграем. Ларионова нет, Филимонова нет... Кворум уныло и постепенно расходился. Надя одна осталась на скамейке.

Спустя минут двадцать чья-то тень замаячила на асфальтовой дорожке. Надя всмотрелась — к беседке шел Гена.

— Послушай, я тебе открою секрет... — начала было Надя. — Мы хотели, чтоб ты зазнался... в педагогических целях: чтоб ты не зазнался...

— Я все уже знаю, — перебил он ее. — Ладно уж... Раз так...

— Эх ты... а ты по-настоящему...

— Я сам виноват. Я не знал, что я такой. Ты понимаешь, не предполагал... Вот жалко, что на олимпийских не буду выступать. Получается, живешь и не знаешь, какой ты на самом деле... Так, что ли?

Гена засмеялся, хотя на глазах у него были настоящие девчонковые слезы.

— Ты чего? — спросила Надя.

— Ничего... — сказал Гена. — Вот я уже и в отставке.

— Не в отставке, — сказала Надя, — а как бы в отставке.

— А вы тоже... я вам кролик, что ли?

— Скажу тебе честно: была у меня надежда, что бы мы ни делали, а ты все равно не зазнаешься... а ты... Эх, ты!.. Видно, моя идея была слишком безумной!.. Ты кролик, а я думала, что тигр... Олимпийский тигр...

Поздним вечером Гена шел по парку, одиноко стоял у фонтана. Становилось все темнее. Далеко позади остались огни главной аллеи. Ветви деревьев грустно шелестели над головой. И вдруг впереди мелькнул огонек. Появился странный столбик света, словно кто-

то нажал кнопку карманного фонарика и зачем-то направил его в небо. Быстрый, легкий бег, звенящий шлак дорожки — мимо Ларионова пронеслось какое-то чудное видение, на миг мелькнувшее в свете фонарика, поднятого, как факел, — девочка, стремительная, как полет стрелы, снопом света проструились светлые волосы... Все это произошло быстро, мгновенно! Потом луч вдруг ударил ему в лицо, раздался вскрик, Ларионов закрыл глаза... Только затихающие шаги услышал он вдалеке. Глаза опять привыкли к темноте, различили контуры деревьев и что-то маленькое, темное на дорожке. Гена нагнулся и поднял... тапочку с шипами.

Тихо было в аллее, лишь шелестел листьями заблудившийся в деревьях ветер. Ларионов долго стоял с тапочкой прекрасной незнакомки, как спортивный принц со спортивной туфелькой спортивной Золушки...

Гусь бегал, бегал, бегал... Ларионов сидел рядом и не спускал с него глаз.

— Куда у тебя она пошла? — кричал он. — Руку выше!.. Вот так!.. А ну, еще!..

Тапочка и прекрасная незнакомка не выходили из головы. Не выходили, потому что сегодня он снова нашел под опорным ящиком такую же открытку. На ней было написано: «Эх, ты!..» — и как-то совсем уже грустно, точно прощаясь с ним, смотрела Незнакомка Крамско-го.

14

Толпы мальчишек и девочек, взрослых и даже стариков из всех переулков шли в этот день во двор, где через час должны были начаться олимпийские. Гремел праздничный джаз. В углу двора стояли озадаченные и расстроенные Надя и Лена.

— Все продумали, а где возьмем олимпийский огонь? Чем зажжем факел? Ведь мы не в Греции!

— Ах, Надя, Надя!.. — сказала Лена, просясь. — Как где? Он везде! Он светит нам, как и древним грекам! Огонь Олимпа — солнце! Лупа нужна!

И вот лучи солнца ударили в одну точку... Факел вспыхнул!

Одиноким Ларионов стоял недалеко от них и смотрел. Он смотрел на Лену так, как будто не верил своим глазам...

— Ой! — сказала Лена. — Забыла! У меня же только одна тапочка!

— Возьми мою... мою... мою!.. — окружили ее девочки. Но ни одна тапочка не подходила. Ну совсем не впору была!

Тогда Ларионов сказал:

— Возьми... свою!.. — И поставил перед Леной маленькую тапочку с острыми, как у розы, шипами.

Лена медленно подняла голову и сказала:

— А где ты был? Мы же тебя обыскали!

— Я же не знал... — сказал Гена. — Я же не знал, чья тапочка...

— Да мы не про тапочку! — деловито сказала Надя. — Мы про Гуся! Прыгун тут, а тренера негу!

— Так разве мне разрешили?

— Разрешили! — закричала Надя никому не знакомым, веселым человеческим, ненаучным голосом. — И во-о-о-б-ще!

Загремела труба.

Лена подняла факел, рванулась, помчалась мимо дискобола, мимо Зевса-громовержца, мимо... В «олимпийской чаше» вспыхнул огонь. Зашумели зрители, пополз по флашток «олимпийский флаг» — пять колец, пронзенных шестом!

Начался парад. Прошла улица Достоевского, двор детдома номер один, двор работников автобазы, седьмой «Б» класс второй школы. «Иностранные» команды: спецшкола номер три — за Великобританию, спецшкола номер один — за Францию, маленький испанец с плакатом «Внук республиканца». И даже Африка — маленький негритенок с табличкой «Гость города, турист». Его где-то Гусь разыскал.

Стадион ревел так, как будто он был настоящий. Лицо Нади сияло невероятно гордой радостью. Планка не на рекордной высоте. Чуть ниже, но все же, если Гусь возьмет, то второе место ему обеспечено... Разбегается. Высота взята!..

А из своего угла на все это мрачно смотрел Филимонов. Он смотрел, как Гена расцеловал Юрку, как, обнявшись, они пошли в его сторону, как они все приближались и приближались. Антон попятился. Он бы сейчас с удовольствием сквозь землю провалился. Антон не выдержал и... улыбнулся.

— Поздравляю, — сказал он, — поздравляю... Победителей не судят. — Он со злости хотел еще добавить, что «победителям подсушивают», но... удержался. «Второе место не стоит афоризма», — так подумал Филимонов.

Леня проявлял пленку и смотрел пока ее сам. Он смотрел, как поднимается на первое место пьедестала почета тот самый Миша из соседнего двора, как на второе место встает счастливый Гусь. А на третье место — кто-то из «французов».

Он наслаждался своей работой, когда вдруг заиграла на своей скрипке Вита. Она снова заиграла молдавские мелодии. «Зачем? — воскликнул про себя Леня. — Вот бестолковая!»

Он подбежал к телефону, набрал номер Витиной квартиры и попросил Витину маму позвать ее.

— Витка! Прекрати играть эти мелодии! Уже не нужно.

— Это всегда нужно, — сказала она и положила трубку. Красиво сказала, между прочим. И трубку на рычаг опустила тоже красиво. Изящно так.

Леня выглянул во двор. Ларионов и Лена стояли возле дискобола. Судя по их позам, они ни о чем не говорили. Они просто стояли. А усталый Гусь в это время спал. Спали его счастливые братья. И Филимонов тоже спал. Ему снился такой вещий сон: Надя ему будто бы говорит: «Таких, как ты, в Древней Греции изгоняли из города!». При этом она стоит в хитоне, словно Афина. Потом два стража в милицейских фуражках, в хитонах и сандалиях на босу ногу провели его, Филимонова, куда-то в одежде, похожей не то на саван, не то на смиренную рубашу. Повели, повели его в дом с колоннами, на котором висела вывеска «Древнегреческий жэк». И управдом, тоже древнегреческий, в кепочке из льна и набедренной повязке, достал домовую книгу и вычеркнул из нее Филимонова. Он брел к городским воротам, которые были закрыты на засов. Греческие ремесленники, подпоясанные ремнями с пряжкой ПТУ, пробивали в стене узенький лаз. Филимонов винтился в этот лаз... Перед ним лежала темная степь... Он оглянулся: ремесленники заложили за ним в дыре последнюю щель. Филимонов остался один... И зарыдал...

— Что с тобой? — Бабушка трянула его за плечо. — Что с тобой, Антон?

— Греки... — сказал он со сна.

— Какие греки? Господи, до чего довели ребенка! Бабушка открыла окно, и выплыла Витина музыка. Она выплыла вместе с ветром, сама такая же ласковая, как ветер. Антон потер лоб... Хорошо, что он не в Древней Греции... Хорошо, что только приснилось...

А для кого играла Вита? Может, для всех, кто сейчас устал, кто перестал быть самим собой или стал самим собой... Вита играла долго, так долго, что ее никто уже не слышал. Потому что все спали. Спали олимпийские тигры. То есть какие еще там тигры — пока тигрята. А в будущем не тигры, а Тиграны Петросяны, в будущем не львы — Львы Оборины, Львы Яшины, Майи Плисецкие... Спали те, кто был убежден, что в олимпийских играх важно не только участвовать, но и побеждать. И спали те, кто был убежден, что в олимпийских играх важно не только побеждать, но и участвовать...

